

НОЧЬ, ветер, шум океана, беззвездная темнота, которой, чувствуется, нет конца.

В позднее время, уже где-то за полночь, стоим перед лицом этого необъятного разветренного мрака. Стоим на скале Кабу де Рока, которую называют здесь Мысом Судьбы. Очутились, собственно, на краю земли, на том западном выступе европейского континента, за которым начинается иная стихия. Об этом напоминают и слова из поэмы Камюэнса, которые с помощью фонарика удается прочитать на постаменте под высоким каменным крестом, торчком поставленным на краю скалы лицом к океану:

Тут кончается земля, начинается море.

Навигационный маяк, выстроенный посреди скалы, медленно отсылал в темноту свои лучи, едва ли не единственный свидетельствует, что человеческая цивилизация добралась и сюда, на Кабу де Рока, за скалистыми обрывами которого внизу, в грохочущем мраке уже бушуют волны Атлантики.

Итак, здесь кончается земля, начинается океан. Португальцы придают этому месту весьма важное значение, пожалуй, даже символическое. Они захотят, чтобы вы, приезжие, непременно побывали здесь, и если не будет у вас возможности посетить Кабу де Рока днем, то гостеприимные хозяева повезут вас сюда хоть во время ночное, после всех дел и хлопот, когда села и города уже погружаются в сон, и дороги, освободившиеся от движения машин, погаснут, и только сильный ветер, что всегда, дни и ночи, свистит на этой скале, напоминает вам о близости открытого океана...

Мы все не сожалеем, что, отбросив все, валившиеся с ног от усталости, согласились поехать с португальскими друзьями в такой поздний час на самый край континента, чтобы все же побыть с глазу на глаз с открытым океаном, послушать, остановившись на скале, эти грозно расшумевшиеся внизу воды и этот никогда здесь не утихающий, самым раздольем сотворенный ветер, который упруго летит куда-то из темноты в темноту, из безвестности в безвестность.

Отсель отправлялись в неведомый путь мореплаватели. Те, которые воодушевлялись духом приключений и отваги, пускались под своими упругими парусами в даль океанов, в загадочный мир суровых стихий.

Что они там искали? Что нашли?

Место словно заколдованное, в нем действительно есть нечто такое, что побуждает к раздумью. И торжественные строки Камюэнса, высеченные на самом краю земли, звучат для нас здесь как по-особому, совсем не буднично. Поэзия в дипломах, которые по случаю посещения Мыса Судьбы местный муниципалитет вручит каждому из нас, мы снова прочтем слова возвышенные, обнаружим непривычный для нынешних людей тон величавой суровости, посвященный этому уникальному месту, где «впитает дух веры и приключений, который повел португальские каравеллы на поиски новых миров для человечества».

Известно, какой ценой давались человечеству поиски новых миров. Конкистадорская жестокость, невольничьи корабли, охота на черных туземцев пятном легли на целую эпоху, за грехи, учиненные когда-то, приходится испытывать возмездие и новейшим векам. Так чем же могут нас привлечь сегодня те, кто, подняв паруса своих каравелл, в древние времена отправлялся от этих берегов? Жажда познания мира, жажда открытий, стремление постичь еще непостижимое — не это ли более всего объединяет героев эпохи Возрождения с людьми XX века, чьи взгляды устремлены в космические дали, в загадочные глубины Вселенной?

Камюэнс, о котором читатель у нас, к сожалению, не много знает, вошел в мировую литературу как певец человеческого мужества, как один из великих поэтов Возрождения. Его творчество пронизано духом гуманизма, смелыми исканиями человека того времени, внутренней отвагой тех, кого не страшит коварство самой судьбы, для кого и извечная дисгармония мира не кажется чем-то непреодолимым.

Поэт, солдат, мореплаватель — таким оставила для нас история образ Луиса Камюэнса. Одиноким плывец, после гибели корабля из последних сил стремящийся в ночной тьме достичь неизвестного берега, бесстрашный, неподдающийся стихии смельчак, который, правой рукой разгребая волны, левой держит высоко над головой заветную рукопись своего только что завершеного произведения — это, по легенде, как раз и был Камюэнс, автор грандиозной поэмы «Луизада», которую народ его считает своей португальской «Одиссеей».

Камюэнс — сын своего времени, беспокойное и свободолюбивое дитя своей эпохи. Он происходил из знат-

ного рода, дед его был военным-трубадуром, отец — морским капитаном, погибшим во время бури в далеком плаваньи, — не от своих ли предков унаследовал Камюэнс храбрость, рыцарство натуры, способность ради чести без колебаний вызвать на поединок даже и весьма влиятельного придворного интригана? Будущий поэт получил отличное образование в уже тогда прославленном университете города Коимбра, перед ним открывалась блестящая карьера, однако, позволив себе недовольное, влюбившись в молодую красавицу, принадлежавшую к королевскому двору, юноша накликал на себя гнев всей правящей верхушки. Кажется, именно это и стало причиной того, что вскоре Камюэнс оказался в положении изгнанника и, возможно, в такую вот ночь вынужден был покидать родные берега, уходя в безвестность под парусами своей мятежной, ветрами странствий гонимой каравеллы. Судьба будет к поэту беспощадна, доведется испытать ему тяжелейшие бедствия: горький хлеб тогдашнего моряка или солдата колониальных войска станет и его хлебом. Камюэнс увидит полмира, побывает в Африке, в Индии, в других землях тогдашнего загадочного для европейцев Востока. Не изведав ничего, кроме страданий и одиночества, сохранив в душе единственное сокровище — страстную любовь к от-

чей земле, к своей вымечтанной, окутанной легендами Лузитании, поэт возвратится к ее живописным берегам лишь много лет спустя, будто для того только и возвратится, чтобы положить как высочайший дар к ногам своего народа девять тысяч строк «Луизада», немеркнущие слитки его золотых октав.

В то время Португалия была одной из могущественных империй, ее владения были и в самом деле таковы, что над ними никогда не заходило солнце. Из тропических колоний на португальских каравеллах шли и шли грузы пряностей, редкостных сортов дерева, шелков, жемчуга и драгоценных камней, растекавшихся затем во дворцы магнатов всей Европы; однако из всех сокровищ, добытых португальцами в их не всегда праведных походах, самым дорогим оказалось сокровище духовное, то, которое подарил родине Луис де Камюэнс. Поэма его стала подлинно национальным эпосом португальского народа, она увековечила подвиги соотечественников, их историю, невзгоды походов, воспела мужественный дух человека эпохи великих открытий. Темпераментная, роскошная в своей буйной барочной образности поэма Камюэнса, подобно Гомеровым и Овидиевым поэмам, вобрала в себя, кажется, все самое характерное из жизни и борений своего времени, запечатлела драматизм и героизм людей, устремившихся в неизведанное, воспринимала в поющих своих отказах сам дух того времени, в основе своей высоко гуманистический, вобравший в себя смелые порывы ренессансного человека.

Пользуясь богатейшей образностью разных времен, объединяя в причудливом и художественно блистательном переплетении мифологию и реальность, Камюэнс воспевает новейших аргонатов, главным героем которых выступает Васко да Гама, который, кстати говоря, был даже кровным родником поэта по материнской линии. Морские бури, смерчи, фантастические океанские чудовища, преграждающие путь человеку, сами козни судьбы будут препятствовать мореплавателям, однако их отвага, сплоченность и непреодолимое стремление к цели в конце концов увенчаются триумфом, лучезарным апофеозом, который так вдохновенно отразит Камюэнс в завершающей, десятой песне своей поэмы. Сила поэмы не только в прославлении деяний аргонатов эпохи Возрождения — гений автора «Луизада» не менее проявил себя и там, где безудержность его фантазий естественно переходит в лирическую исповедь сердца открытого, доверительного, эмоционального бытующего увлеченного автора человеком-творцом то и дело сочетается с гневным вызовом надменным грандам, придворным шаркунам, то есть возникает поэтическое качество не-

обыкновенно богатое, где поэтический миф каждый раз сдвигается с вполне реалистической достоверностью изображенных событий. В лице автора чувствуется знаток рабского дела, во всей профессиональной конкретике жизни морской предстают перед нами и картины перехода океана, и рассказ о том, как к европейцам подплывают чернокожие туземцы на лодках под парусами из пальмовых листьев; в поэме увидим португальцев и за вовсе прозаическим занятием, когда вместе отдыхают старательно трудятся, очищая свои каравеллы от налипших ракушек и водорослей. Поэма дышит морскими просторами, солнцем, солеными ветрами походов, человек в ней увлечен красотой мира, но зоркий глаз добросовестного художника умеет заметить и кривду, с которой мореплаватели приплывали к аборигенам далеких земель, поэт не боится со всей резкостью правдивой души сказать, что «храбрость наших португальских воинов идет рядом с грубостью и невежеством» и что «страсть к золоту плодит рабов, а тщеславие — тиранов». И эта зоркость поэта, эта справедливость человека внутренне благородного, философски мыслящего совершенно не принижает патристических страстей поэта, который с чувством горделивой правоты скажет о себе: «Я тружусь для славы народа, и пусть Васко

моэнса, и каждое такое овеянное эпической величавостью творение будет сопровождаться мило звучащими подписями — знаменитыми строками поэта. С удивительной художественной выразительностью отображены на этих панно мифы и реальность, перед вами предстанут приключения бородатых богоподобных мореплавателей, устремит на вас взор нежная молодая женщина, португальская Ярославна, которая сидит, углубившись в одиночестве, в тоску разлуки, предстанет жестокий бой с маврами и возникнет во всю стену грозный властелин стихий, который, являясь из ревущих бурюнов, пытается преградить путь каравеллам. Апофеозом поэмы станет сказочный остров любви, где португальские мореплаватели, как пишет автор, испытают несравненное очарование встречи с белоснежными нимфами, а прекраснейшая из них откроет флоту тайны земного шара, предскажет будущее, одарит его знанием всех тех еще неведомых человечеству чудес, которые хранят в своих недрах суша и море... Смотришь на эти нетленные творения, украшающие замок, на эти океанско-синие поэмы, словно самой природой сотворенные в долговечном материале, и воспринимаешь их как вдохновенную песню человеческому мужеству, гимн величию тех, кто первый познал радость огромных открытий, кто первый —

челеского архива, который считается весьма заманчивым местом для научных работников.

Однако тон всему здесь задает, конечно, университет. Именно он со своими многочисленными факультетами, знаменитой библиотекой (Библиотека Жоанина), Ботаническим садом, госпиталем и «студенческими республиками», разбросанными по разным районам города, придает Коимбре неповторимость, придает какую-то академическую внушительность, создает своеобразный неторопливый ритм ее жизни. Если заинтересуетесь, что собой представляют эти «студенческие республики», вам с улыбкой объяснят, что явление это тоже присуще именно Коимбре и зародилось оно давно, речь идет о своеобразных студенческих землячествах, каждое из которых занимает для себя целый дом, и на протяжении всех лет учебы студенты живут там действительно по своему студенческому республиканскому уставу.

В Коимбре вы услышите литературно самую чистую португальскую речь (этот факт признают даже жители Лисабона), университетская библиотека Жоанина насчитывает более полутора миллионов томов, к которым следует еще добавить отдел рукописей, редкостных манускриптов и партитур — уникальные эти сокровища ныне открываются ученым многих европейских стран. Сотрудники библиотеки непременно похвалятся, что в их фондах со-

меров неграмотность — это прямое наследие того чудовищного фашистского режима, в тисках которого страна пребывала многие десятилетия: тогда-то держать трудовой народ в темноте считалось делом вполне нормальным и даже целесообразным для государства. Считалось, что для трудового человечества достаточно будет молитвы и футбола... Вот и возникли ситуации курьезные, а порой и грустные, о которых ныне университетские профессора вспоминают как про своеобразный парадокс: этот древний университет, считающийся святыней науки, эта славная библиотека вблизи океана, которую иногда называют храмом вечности, очагом человеческой мысли, — они существовали как бы сами по себе, было тут уютно для ученой элиты, а если, случалось, после ярмарки попадали сюда крестьяне из окрестных, почти сплошь неграмотных сел, то, оказавшись в хоромах библиотеки, среди книг и живописи, они были уверены, что очутились в костеле, где следовало вести себя надлежащим образом, потому-то крестьяне тут же мгновенно становились на колени перед тусклым портретом какого-нибудь из древних королей, не подозревая, что в жизни этот надменный усаб был утилой и безбожником.

— И вот такому типу здешних крестьян и крестьянок по горькому своему неведению отваливали поклоны, почитая его святым, — с невольной улыбкой рассказывают нам. — Ну, апрельские события 1974 года многое прояснили, оздоровили атмосферу, правда, в актовом зале Коимбры вы еще увидите коллекцию бывших португальских королей, коллекцию полнейшую, где портреты коронованных особ плотно жмутся друг к другу, заняв все места на стене, даже студенты шутят: «Монархия пала потому, что больше некуда было вешать портреты королей...»

Город Коимбра и университет сегодня гордятся тем, что имеют в Советском Союзе породненный город: древний русский Ярославль, красавец Севера, на весь мир прославившийся наряду с Киевом, Новгородом и Суздалем своими архитектурными шедеврами. С Ярославлем и португальцев налаживаются все более тесные контакты, ведь есть много такого, что способно взаимно заинтересовать людей, есть, оказывается, откуда умам любознательным черпать и черпать обобщенное сокровище человеческого опыта. В университете Коимбры вы не раз услышите русскую речь, тут ее преподают молодые португальцы — опытные специалисты, прибывшие из Москвы как посланцы Общества советско-португальской дружбы. Знают тут уже кое-что из нашей отечественной классики, хотя современная советская многонациональная литература, создающаяся на 78 языках народов СССР, пока что остается для португальцев terra incognita. Это тот духовный материк, который им еще надлежит открыть.

Сотрудники библиотеки Жоанина считают, что в новых условиях открываются новые перспективы для культурного сотрудничества, ждут энтузиастов, скажем, богатейшие сокровища университета, которые ныне исследованы далеко еще не в полном объеме. А возможно, именно эти источники и помогли бы пролить свет на те давние разветвленные связи между народами континента, на те действительно интернациональные контакты ученых-гуманистов, которые, как свидетельствуют уже открытые факты, существовали задолго до возникновения нынешних границ. Само время требует более тесного взаимодействия людей ради укрепления мира, ради взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах, в частности в науке и культуре, ибо разве не дико на современной планете разражаться барьерами враждебности, в угоду предвзятым нарочушать перекичку человеческого мысли, искусственно дробить вырастающую из глубоких веков истинно интернациональную, всеобъединяющую деятельность человеческого гения!

ИТАК, улетаем домой. Вот уже мелькнул под крылом знакомый нам Кабу де Рока, тот мрачный Мыс Судьбы, который, словно форпост континента, упрямо ступил своими гранитами во впадения воды океана. Он, который стоит тут века и века, сейчас будто исподлобья всматривается в даль океанскую, словно хочет разгадать: что явится оттуда? То ли, как само проклятые планеты, ядерные черные чудовища вынырнут, приближаясь к этим берегам, то ли донесутся оттуда с ветрами чистоголосыми вестниками жизни, прекрасные поэмы человечности, мира и надежды...

ЛИСАБОН — КНЕВ, июнь, 1985
Авторизованный перевод с украинского К. ГРИГОРЬЕВА

Олесь ГОНЧАР

НА ЗЕМЛИ КАМЮЭНСА

да Гама возрадуются, должное им бессонным ночам, моей такой сильной и чистой любви!»

Время поставило все на свои места, королевские дворы ушли в небытие, Камюэнс стал гордостью нации.

Случилось так, что наша парламентская делегация прибыла в Лисабон как раз в день чествования поэта (который ушел из жизни 10 июня 1580 года), и первый венок, который мы возложили в португальской столице, — это был венок на могилу Камюэнса, мраморное белое надгробие которой стоит в старинном монастыре рядом с гробницей Васко да Гамы. На могиле поэта отчетливо прочтывается надпись: «Тут почитается Луис Камюэнс — царь поэтов своего времени. Он жил убогим и несчастным, таким и умер...»

В ренессансной литературе Камюэнс известен как автор искренней, выстраданной, во многом новаторской для своего времени лирики, что же касается его «Луизада», то это вершинное произведение эпохи, превзойдя все им написанное, нашло в тогдашней Европе особенно горячих поклонников: Камюэнса приветствовали итальянские мастера, в Испании его поэму высоко оценил Сервантес, в России на нее первым обратил внимание Ломоносов, не говоря уже о том, какое огромное значение имели «Луизады» для развития национального языка и культуры в самой Португалии.

Для португальцев имя Камюэнса ассоциируется с золотым веком их классической поэзии. Гений Камюэнса отразился и на других видах искусства, животворное его влияние, скажем, вполне ощутимо в шедеврах архитектуры, в творениях всемирно известного португальского барокко.

Португалия — страна исключительно живописная. Умеренный средиземноморский климат способствует тому, что всюду здесь богата пышная растительность, где бы вы ни очутились, вашим глазам будут открываться сады и сады, виноградники, полные жизни долины и невысокие, покрытые сплошной зеленью горы, которые не раз напоминают вам красоту наших Карпат. Иногда на горной зеленой вершине среди густоствет поднимается вдруг бывший королевский замок — большинство замков превращено ныне в пристанище для приезжих, для тех, кому португальцы желают оказать свое уважение. Вот и нашей делегации, скажем, было отведено под резиденцию одно такое воздвигнутое в горах сооружение, при подходе к которому вы невольно остановитесь, очарованные: весь дворец как бы опоясан голубыми цветами, весь он цветет снаружи художественными панно редкостной красоты, в которых проявился свой несравненный дар мастера художественного фарфора, те, чья слава простерлась далеко за пределы Португалии. И все эти панно окажутся как раз на сюжеты из поэмы Ка-

от имени человечества — увидев планету во всей ее истинной красоте. Стоишь, захваченный силой этих творений, и чувствуешь, что нет, пожалуй, ничего высшего на свете, чем красота и мудрость искусства. Прахом ушли загробующие империи, бесследно растеклись нагребленные в заморских территориях богатства, исчезли испарившиеся отупевшие в своей жадности короли, ничего от завоеваний не обрел угнетенный трудовой люд этой европейской небольшой страны, люд, который только в дни сегодняшних, после того как было покончено с разнузданным фашистской диктатурой, начинает находить себя — ведь именно ныне они, потомки великих мореплавателей, хоть и с немалыми трудностями, берутся открывать для себя горизонты новой, ранее неизведанной жизни.

СТРЕМЛЕНИЕ расширить границы познания всегда было одним из самых действенных факторов человеческого прогресса. Когда оказываешься в университете города Коимбра, заведении старинном, чьи стены приняли первых студентов еще в XIII столетии, когда ступаешь под низкие затемненные своды, где на серых, глубоко вытопанных на протяжении веков глыбах оставили свои следы многие из тех, кто проходил тут в поисках истины, невольно задумываешься, какая огромная роль в истории народов нашего континента принадлежит славной и столь жизненной семье европейских университетов.

Для португальцев Коимбра — это предмет национальной гордости, ведь издавна она является ярчайшим очагом духовной жизни страны. Свыше двух тысяч лет существует этот город в междуречье Тежу и Дору, археологи уверяют, что знала Коимбра период расцвета еще в римские времена, потом несколько веков город вынужден был терпеть арабское господство, а после того, как были изгнаны мавры, Коимбра становится на некоторое время даже столицей государства. Ныне Коимбра — центр одноименного округа, она, как и прежде, отдается наукам, знает и современное производство, гордится своими ремеслами. Местные мастера на старинных ткацких станках делают редкостные вещи из шерсти и льна, а коимбрускую фарфоровую и керамическую посуду народные умельцы тут разрисовывают почти так, как это делалось в XVII и XVIII веках: художественные изделия края пользуются широким спросом у туристов. Город имеет много музеев, тут сосредоточены самые значительные коллекции португальской скульптуры XII—XVI столетий, славится Антропологический музей города, есть даже муниципальный музей истори-

ный в мире экземпляр еврейской Библии XII столетия, немалую ценность представляют собрания древних штурманских карт, которыми пользовались мореплаватели Васко да Гамы или даже их предшественники. Высказываются предположения, что некоторые из этих карт были известны и древним русским мореходам.

Само помещение книгохранилища своей пышностью и художественной отделкой напоминает скорее величественный дворец. Все тут монументально — фойе, выстроенные на полках, ждут прикосновения человеческой руки, буйная живопись на высоких потолках своей красочностью заставит вас вспомнить Рубенса. Привлекать ваше внимание и стеллажи с лесенками остроумных конструкций, некогда избранных именно тут, и столы из красного бразильского дерева, которое не берет никакой шашель. За свои книгохранилища сотрудники библиотеки спокойны.

К тому же имеем еще и целую ватагу охранников в лицах наших мудрых котов, — шутя рассказывает склонный к юмору главный библиотечник. — Благодаря добропорядочным этим сторожам ни одна мышь сюда носа не сунет. А чтобы не остаться без работы, коты наши ходят на промысел в ректорат.

Книги и книги, потемневшие от времени, заботливо выстроенные в ряды, полблизкие до корешками — от пола и до самых высоких полок. Сколько здесь собрано интеллектуальной силы, сколько неуспокоенного человеческого разума спрессовано в этих тугих томах и манускриптах, которые, как самые ценные сокровища, перешли к потомкам.

Однако, увлеченно глядя в эти редкостные книжные богатства, многочисленные, порой раритетные издания на разных языках, все же ловишь себя на мысли: а насколько эти горы мудрости были доступны человеку обычному, рядовому? Оказывается, что далеко не все, а тем паче те, что трудами истомлены, с сердцами, жаждущими света и добра, имели доступ к этим сокровищам духовным. С горечью воспринимается факт, что и сейчас в Португалии треть населения неграмотна — в эту космическую каждый третий не умеет читать... И это тут, на древней, хорошо обжитой и благоустроенной окраине Европы. Быть лишенным книги на земле того континента, который издавна славится как твердыня наук, образованности и человеческой цивилизации, где даже в средние века на всех дорогах звучала рыцарская лирика. Поражающее количество неграмотных в этой прекрасной Португалии воспринимается как печальная гримаса судьбы, как горестная сенсация, требующая ответа: почему так случилось в эпоху новейшую, на самом грёбе XX века?

Оказывается, что таких раз-